

Натэлла Войскунская

«Окунали кисти в каждую банку краски...»

В активно работающем в Нью-Йорке Украинском музее состоялась выставка «Перекрестки. Модернизм в Украине. 1910–1930». Она переехала туда из Чикагского культурного центра. Экспозиция включала более 70 работ 21 художника. Судя по количеству посетителей и отзывам прессы, выставка украинского модернизма вызвала немалый интерес у американской публики, а реакцией специалистов явился «настоящий ливень» восторженных рецензий.

Осмелюсь предположить, что подобная экспозиция для россиян не менее значима, чем для украинцев. Как-никак и заманчивая прелесть увлечения модернизмом, и зачастую печальные, даже трагические последствия такого увлечения для его творцов казались и оказались одинаковыми, общими – независимо от великороссийского или малороссийского происхождения. При этом так получилось, что во всем мире знают и признают именно русский модернизм: в меньшей степени русский модерн, в большей – русский авангард. Украинский модернизм волею судеб пересекается с русским (может, и правильнее было бы говорить «российским», но ведь учебники по истории искусств едва ли переделаешь, да и для всего мира «русский» и «российский» – одно слово).

А вот можно ли говорить об украинском модернизме, отдельном и отделенном от модернизма русского? Отделенном не корнями своими, уходящими в искусство народное (российские художники ведь тоже черпали вдохновение в достаточно различающихся между собой фольклорных традициях и народных промыслах), а по сути? Наверное, данная выставка с ее художественными открытиями, вместе с предшествующими (например, проведенной в Загребе в 1990–1991 годах выставкой «Украинский авангард 1910–1930-х годов», мюнхенской выс-

тавкой 1993 года «Авангард и Украина», состоявшейся в Канаде в 2002 году выставкой «Феномен украинского авангарда» или прошедшей в Рамат-Гане (Израиль) в 2006 году выставкой «Одесские парижане») и последующими выставками способствуют определению позиций в этом вопросе. Ведь само наименование «украинский авангард» было введено, согласно мнению Дмитрия Горбачева – организатора практически всех экспозиций авангардного искусства Украины, искусствоведом А.Наковым в рецензии на выставку «Мечта Татлина» (Лондон, 1973). Этим термином пользуются и другие авторитетные специалисты, такие, например, как Валентин и Жан-Клод Маркаде (Франция), Джон Боулт и Мирослав Мудрак (США), Шимон Бойко (Польша), Дмитрий Горбачев (Украина). Вот и рецензируемая выставка позволяет дать вполне утвердительный ответ на вопрос о самом существовании украинского авангарда.

Если основная задача выставки – представить первоклассные произведения, то определение места собственно украинского модернизма в контексте более известного и более уважаемого модернизма российского – задача тоже достаточно важная. На выставке она специально не акцентировалась, что делает честь организаторам: ведь нет ничего проще, чем занять одну из крайних позиций по этому вопросу, а вот

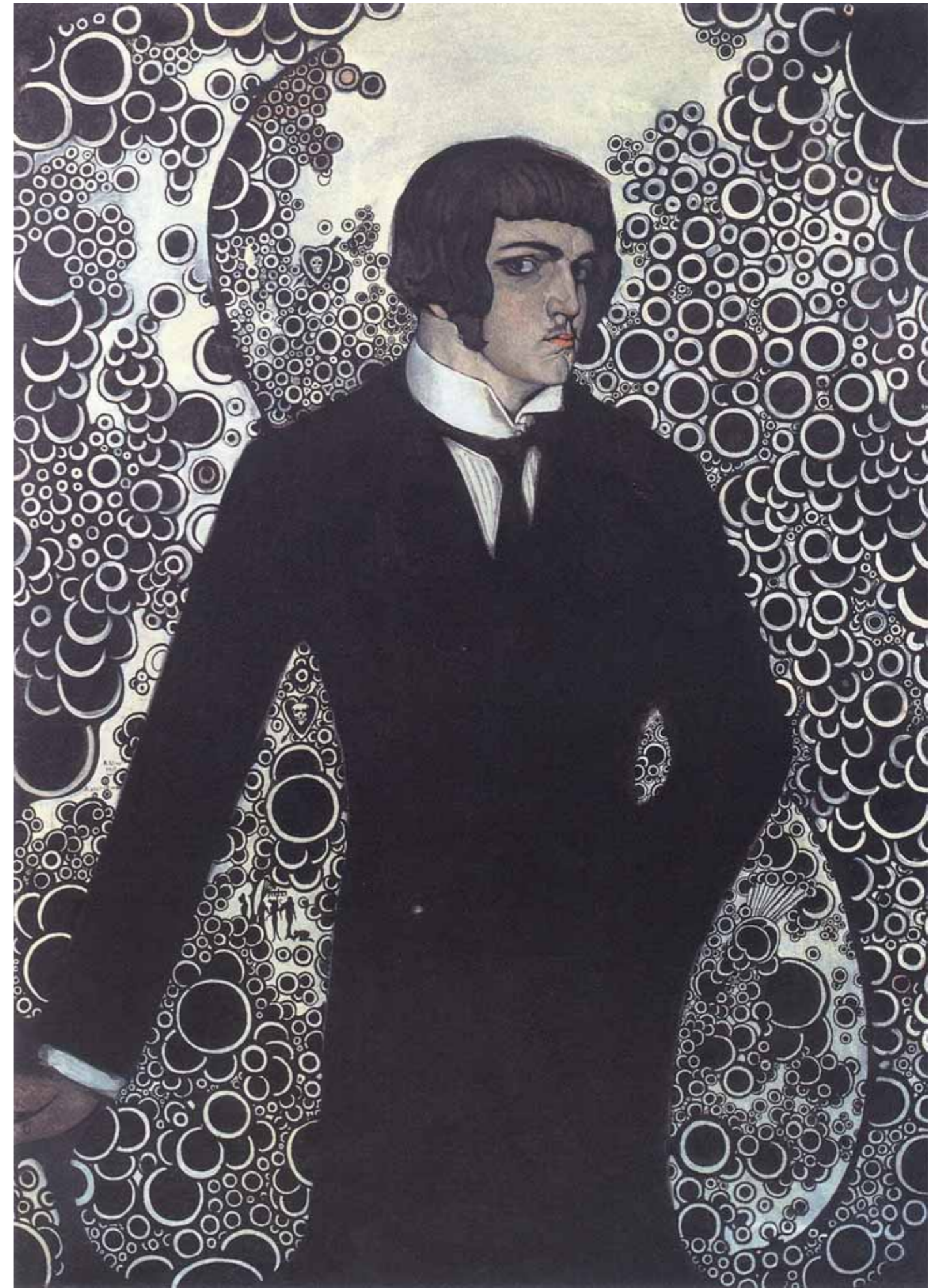
остаться посередине – непросто. В данном случае пройти посередине означало представить на выставке знаменитых мастеров, чья карьера сложилась в России или за рубежом (при этом они либо родились и учились в Украине, либо какое-то время там жили и работали), и одновременно показать малоизвестные, даже совсем неизвестные публике и специалистам произведения художников, не покинувших Украину. Экспонировались также недавно найденные работы, забытые или считавшиеся утраченными.

Отбор произведений осуществляли профессор Дмитрий Горбачев и известный коллекционер, великолепно знающий художественные собрания украинских музеев, князь Никита Лобанов-Ростовский, которому и принадлежит идея организации этой выставки. К сожалению, выбор у них был сравнительно невелик: из когда-то богатого наследия осталась лишь небольшая часть – по оценкам специалистов, большинство работ пропали в 1930-е годы. На выставку были отобраны самые лучшие, представленные Национальным художественным музеем Украины, Государственным музеем театрального, музыкального и киноискусства Украины, Музеем украинского народного декоративного искусства, Днепрпетровским художественным музеем, а также частными коллекционерами.

На украинском перекрестке встретились художники, составившие впоследствии славу русского и мирового искусства. Феномен «присвоения» художников-выходцев из Российской империи другими странами, в которых они оказались по воле судьбы, является характерным для искусства прошлого столетия. Впрочем, это не чисто российский феномен. Так, весь мир знает французских художников из России (а на самом деле – из Беларуси и Украины) – Марка Шагала, Хаима Сутина, Сою Делоне, из Италии – Амедео Модильяни, из Испании – Пабло Пи-

Всеволод ▶
МАКСИМОВИЧ
Автопортрет. 1913
Холст, масло. 142×105
Национальный
художественный музей
Украины

Vsevolod ▶
MAKSYMOWYCH
Self-portrait. 1913
Oil on canvas
142 by 105 cm
National Art Museum of
Ukraine

Natella Voiskounski

“They Dipped Their Brushes into Virtually Every Paint Can”

“**Crossroads: Modernism in Ukraine, 1910–1930**”, the first major exhibition of early 20th century Ukrainian art was shown in Chicago at the Chicago Cultural Centre, and in New York at the new Ukrainian Museum. Featuring the best of high modernism from Ukraine, the exhibition included more than 70 rarely seen works by 21 Ukrainian artists; each of the works was shown for the first time in the United States. The avant-garde, art nouveau, impressionism, expressionism, futurism and constructivism movements were presented in a new light. Americans – the general public and art critics alike – were equally enthusiastic about the exhibition.

Соня ДЕЛОНЕ
Орфизм. 1910-е
Бумага, гуашь
31,4×24
Частное собрание, Киев

Sonya DELAUNAY
Orphism. 1930s
Gouache on paper
31.4 by 24 cm
Private collection, Kiev

This show of the Ukrainian art of the 20th century appeared of great importance not only for Ukraine but also for Russia. The painters who followed, developed and proclaimed avant-gardism shared the same fate: they “velikoross” or “velikoruss” – Great Russian – or “maloross” (or “maloruss”) – Little Russian (the term that has been used to name Ukraine since the middle of the 17th century); they were stigmatized as “formalists”, deemed harmful and ideologically hostile, forbidden, with artists persecuted and in not at all rare case executed during the Stalinist purges in the gloomy 1930s.

It should be noted that it is Russian modernism that is recognized in the world – Russian moderne to a lesser extent, and the Russian avant-garde, to a greater extent. As a result – as published data shows – nearly 2,000 works by Ukrainian artists were confiscated in the late 1930s, and only 300 remain extant today – of which the best were shown at this exhibition, some for the first time outside Ukraine. The selection was made by Professor Dmitry Gorbachev, an international expert on this period, and Nikita D. Lobanov-Rostovski – the latter being the initiator, the moving force and the organizer of the exhibition.

The show was organized by the Foundation for International Arts and Education with the National Art Museum of Ukraine. The exhibits were given from private collections, the National Art Museum of Ukraine, the Theatre

Василий ЕРМИЛОВ
Рельеф «а». 1920-е
Фанера, дерево,
масло. 48,8×52,7
Частное собрание, Киев

Vasiliy YERMYLOV
Relief “a”. 1920s
Plywood, wood, oil
48.8 by 52.7 cm
Private collection, Kiev

Museum, the Museum of Folk Art of Ukraine, and the Art Museum of Dnipropetrovsk.

For a long time Ukrainian avant-garde art was looked at in the context of the Russian avant-garde. To distinguish Ukrainian from Russian avant-gardism is very often really not an easy task. And the problem lies far from its roots and origin – both were to a certain extent inspired by folklore traditions and native art. Nevertheless the exhibition “Crossroads: Modernism in Ukraine, 1910–1930” alongside other exhibitions like “Ukrainian Avant-garde of the 1910s–1930s” (Zagreb, Croatia, 1990–1991), “The Avant-garde and

Ukraine” (Munich, 1993), “The Phenomenon of the Ukrainian Avant-garde, 1910–1935” held in Canada in 2002 or “The Odessa Parisians” in Israel (2006) give answers to the question. ... According to Dmitry Gorbachev – a key figure organizer of the “Crossroads: Modernism in Ukraine, 1910–1930” exhibition, the notion of “Ukrainian Avant-garde” was introduced by the Parisian art critic, Andrei Nakov, in reference to the exhibition “Tatlin’s Dream”, held in London in 1973. For the first time ever, the West saw at this exhibition world-class works by Yermilov and Bogomazov, two obscure avant-gardists from Ukraine. Thus some Western historians

of Russian art became historians of the Ukrainian avant-garde as well (the Marcades and Nakov from France, Boiko from Poland, Bowlit and Mudrak from the USA).

In spite of a large number of such representative exhibitions “Crossroads: Modernism in Ukraine, 1910–1930” – according to John Bowlit, editor and a key contributor to the catalogue, it is “the first comprehensive exhibition of the Ukrainian avant-garde in the United States – a surprising record, given the substantial number of exhibitions devoted to the Russian avant-garde that American museums and galleries have organized since the late 1970s ... But

Михаил БОЙЧУК
Молочница
Начало 1920-х
Холст, темпера. 95×45
Национальный
художественный музей
Украины

Mikhail BOYCHUK
Dairy-maid
Early 1920s
Tempera on canvas
95 by 45 cm
National Art Museum of
Ukraine

Федор КРИЧЕВСКИЙ ▶
Семья. Центральная
часть триптиха «Жизнь»
1927
Холст, темпера
148,5×133,5
Национальный
художественный музей
Украины

Fedor KRICHEVSKY ▶
Family. Central part
of the triptych "Life"
1927
Tempera on canvas
148.5 by 133.5 cm
National Art Museum
of Ukraine

until this moment exclusive exhibitions of the radical concepts that transformed the cultural physiognomy of Kyiv, Odessa, and Kharkiv in the 1910s and 1920s have taken place in many [European – N.V.] cities ... but not in the United States."

To group all the artists in this showcase, those who were born and lived in Ukraine should be named first (Bogomazov, Yermilov, Boichuk, Petrytsky, Palmov, to mention just the most important); and those who were born in Ukraine but then left it to start an All-Russian and/or international life, who were until recently regarded as Russian artists (Malevich, Archipenko, Exter, David Burlyuk, Sonya Delaunay). As for the artworks, there were some real discoveries of national and international level.

The inclusion of the word "crossroads" in the title of the exhibition proved a happy idea, since "the term 'crossroads' appropriately describes the modernist period of Ukrainian art history," writes Professor Myroslava Mudrack. "In the early 20th century, Ukraine's territories became the site of thriving centres for what was then generally called 'New Art' – centres of practice, training, exhibition, and debate. Here, the progressive trends of Western art were reevaluated and reinterpreted in terms of local experience, and a vital, unprecedented artistic environment took shape that underscores the autonomous nature of art." John Bowlf develops the same idea: "... matters are complicated by the ethnic and geographical density of Ukraine bordering on Russia, Poland, Slovakia, Hungary and Romania and by the density of her culture, affected by both Western and Russian trends, from the Neo-baroque of Oleksa Novakivsky to the Constructivism of Vasyl Yermilov, from the Byzantine legacy of Mikhaïlo Boichuk to the Art deco of Mykola Kasperovich."

Just that Ukrainian "crossroads" became the meeting place for the cosmopolitan artists who then gained Russian and international art fame. Here we come across an international phenomenon of the "arrogation" of the artist by the countries of their settlement. Everybody knows the French artist of Russian (to be exact, Byelorussian) origin Marc Chagall, another French artist Sonya Delaunay of Russian (to be exact, Ukrainian) origin, or Pablo Picasso of Spanish origin, or Amadeo Modigliani of Italian origin, etc. – the list can easily be continued. The names of Malevich, Exter, Burlyuk, Archipenko, Rodchenko, Lentulov, Sonya Delaunay, and Tatlin have not until recently been associated with Ukrainian art. The fact is that the best and most well known works of these

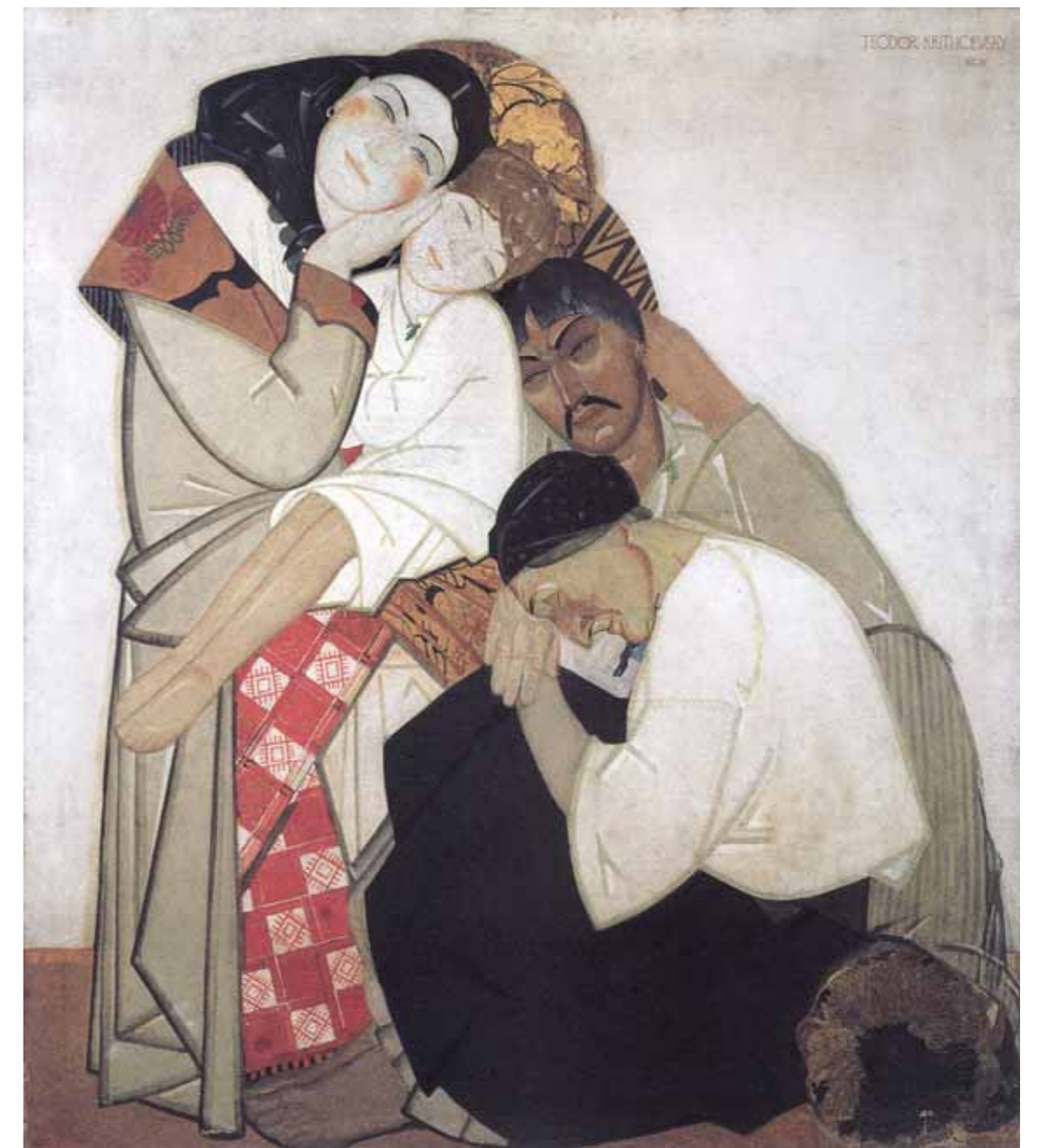
Алексей
НОВАКОВСКИЙ
Автопортрет. 1934
Бумага, наклеенная
на картон. 89×58
Частное собрание, Львов

Alexei NOVAKOVSKY
Self-portrait. 1934
Paper pasted
on cardboard, charcoal
89 by 58 cm
Private collection, Lvov

кассо, и список нетрудно продолжить. Так что до сих пор сравнительно редко ассоциировались с Украиной такие громкие имена, как Альтман, Малевич, Экстер, Бурлюк, Архипенко, Родченко, Ленгулов, Кончаловский, Соня Делоне, Баранов-Россинэ, Лисицкий или Татлин. Более того, их лучшие работы, как правило, находятся за пределами Украины. Вот и получается, что особую ценность этой выставке придают – по мнению Грейс Глюк ("The New York Times") – высокохудожественные произведения менее известных или практически неизвестных авторов. И это выглядит закономерным. Но начнем с мастеров знаменитых.

Родившийся в Украине, свободно говоривший по-украински и любивший украинское народное искусство – и живописное, и музыкальное – Казимир Малевич представлен на выставке узнаваемой «Супрематической композицией» 1920-х годов и набросками интерьера Всеукраинской академии наук в Киеве. Сын профессора Киевского университета скульптор-экспериментатор Александр Архипенко – знаковая фигура и русского, и украинского, и американского (он переехал в США в 1923 году) искусства XX века. Большая и впечатляющая выставка Архипенко уже прошла в Украинском музее в Нью-Йорке в 2005 году. Сейчас же экспонируется небольшая кубистическая работа мастера «Женская фигура» (1914).

Александра Экстер организовывала студии в Киеве и в Одессе. Киевскую студию посещали, к примеру, литераторы Илья Эренбург, Бенедикт Лившиц, Осип Мандельштам, Виктор Шкловский и Натан Венгров, будущие кинематографисты Сергей Юткевич и Григорий Козинцев, а в учениках ходили художники, составившие впоследствии славу совет-

ского искусства, – Александр Тышлер, Анатолий Петрицкий, Исаак Рабинович, Климент Редько и многие другие. В Киеве Экстер тесно общалась и с Анной Ахматовой (тогда еще Горенко). В доме № 6 по Университетской улице, где жила в Киеве Александра Экстер, она пишет портрет Ахматовой – видимо, самый первый в ахматовской портретной галерее (его судьба неизвестна). Позднее, в 1911 году, в стихотворении «Старый портрет», посвященном Александре Экстер, Ахматова писала: «В чьих это пальцах дрожала палитра...»

Неудивительно, что на данной выставке творчество Экстер выглядит весьма разнообразно и чрезвычайно интересно. Тут и «Три женские фигуры», созданные в 1910 году (именно фигуры, ибо лица намеренно стерты до такой степени, что их просто нет), и колористически сдержанный изысканный пейзаж «Мост. Севр», в котором и горы, и река, и мост выстроены по слож-

ному алгоритму движения форм. Это полотно из постоянной экспозиции Национального художественного музея Украины – не первый раз в Америке, ранее оно совершило большое путешествие вместе с выставкой «Амазонки авангарда». Конечно, экспонируются и яркие, динамичные эскизы театральных костюмов художницы. Кстати, весьма заметное место на выставке заняли работы и других выдающихся сценаристов: Анатолия Петрицкого, Вадима Меллера, Александра Тышлера и Александра Хвостенко-Хвостова – последователей лирического кубизма Александры Экстер. К счастью, не все портреты современников, выполненные в свое время Петрицким, оказались уничтоженными, так что у зрителей была возможность увидеть его великолепные акварельные портреты композитора П.Козицкого и писателя А.Савченко.

Украинский «отец русского футуризма» Давид Бурлюк, у которого, по

artists are far beyond Ukraine's borders. Therefore it seems quite natural that at the core of the exhibition are many high-quality works by lesser known, or completely unknown artists.

It is only natural to start the review of the exhibition with the most renowned artists. Kazimir Malevich, the quintessential painter of the 20th century, came to teach at the Kiev Academy in 1928. It is of particular importance that in Kiev he switched from abstraction to figurative art, which made a dramatic change in his style. At the exhibition he is represented with "A Composition in Suprematism" of the 1920s and a sketch of interior design for the All-Ukrainian Academy of Sciences in Kiev. Alexander Archipenko – a son of the professor of the Kiev University – moved to the USA in 1923 and is one of foremost sculptors of the 20th century. With his solo-exhibition "Alexander Archipenko: Vision and Continuity" the Ukrainian Museum in New York in 2005 celebrated the opening of its newly completed building, making this exhibition an inaugural show. The "Crossroads" shows Archipenko's bronze "Female Figure" of 1914.

Alexandra Exter, a magnetic figure in Kiev artistic life and a toast of the town – her studio was crowded with men of letters (Ilya Ehrenburg, Benedikt Livshits, Osip Mandelstam, Viktor Shklovsky and Natan Vengrov), future film-makers (Sergei Yutkevich and Grigory Kozintsev), artists and theatre designers, and figures who later became "glorified" Soviet artists (Alexander Tyshler, Anatoly Petritsky, Isaak Rabinovich, and Kliment Redko, to name only a few). Exter also organized her studio in Odessa. It is noted that in Kiev Exter – though no por-

Александр БОГОМАЗОВ
Портрет дочки. 1928
Фанера, масло. 59x59
Частное собрание, Киев

Alexander BOGOMAZOV
Daughter's
Portrait. 1928
Oil on plywood
59 by 59 cm
Private collection, Kiev

Александра ЭКСТЕР
Ваханка.
Эскиз костюма к
спектаклю «Фамира
Кифаред» по пьесе
И. Анненского. 1916
Картон, гуашь
45x36,5
Государственный музей
театрального, музыкального
и киноискусства Украины

Alexandra EXTER
Vachante.
Sketch of Costume for
"Phamira Kiphared"
(by Innokentii
Annenskii)
1916
Gouache on cardboard
45 by 36.5 cm
Ukrainian State Museum of
Theatre, Music and Films Arts

traitist – made evidently the first of the many portraits of Odessa-born Anna Akhmatova (then Gorenko). Exter is presented at the exhibition with a variety of artworks, both oils and graphics: the cubist "Bridge. Sevre", futurist "Still-life with a Bottle", and abstract "Objectless Composition", and "Abstraction". The famous canvas "Bridge. Sevre" is one of the major attractions. Alexandra Exter's "Three Female Figures" (1910) depicts "an unsettling trio of blank-faced women who look resigned to the fact that a brisk wind has just made off with their facial features", states Stephanie Murg in his article published in "The Villager". There are also her sketches – dynamic and colourful – for ballerina Bronislava Nijinska ("Spanish Dance"), for "Romeo and Juliet" ("Figure with a Dagger"), for "Phamira Kiphared" ("Bacchante"). These sketches are shown alongside the graphic works of Exter's students – followers of her lyrical cubism style: Anatoly Petritsky, Vadim Meller, Alexander Tyshler and Alexander Khvostenko-Khvostov. Visitors had a good chance to see brilliant watercolour portraits by Petritsky ("Compos-

er's Portrait: P. Kozitskiy" of 1930, and "Portrait of the Writer: Y. Savchenko" of 1929) – happily not all of his portraits of the Ukrainian intellectual elite were destroyed, following the executions of its elite members.

Another prominent exponent is the Ukrainian "father of Russian Futurism" – David Burlyuk whose eye-catching canvas "Time" is a genuine example of Cubofuturism. According to Myroslava Mudrak, "Burlyuk's orchestration of 'Futurist' events in Kiev, Kharkiv, Odessa and out-of-the-way places in Crimea encouraged colonies of experimental artists to break all the canons of academic and bourgeois art." Burlyuk – an innovator, a leader by nature and adventurer – involved his friend, the unfortunately much less known talented artist Viktor Palmov in his travels in the Far East and Japan. Their joint exhibition in Japan became the first show of Russian avant-garde in that country. The works of a neo-primitivist and brilliant colourist Viktor Palmov were a real revelation to viewers ("Rendezvous", 1926; "Fishing", 1928; "May 1", 1929; "A Smith", 1923). Palmov's transparent deep blue colour brings lyricism

его собственным словом, «синее, красное, черное бьют Ниагарами», поразил на этой выставке запоминающимся кубофутуристическим полотном 1910-х годов «Время». С именем Давида Бурлюка сразу хочется связать его со товарища по дальневосточным путешествиям, не столь, к сожалению, известного Виктора Пальмова. Их совместная выставка стала первым показом произведений русского авангарда в Японии. Работы Пальмова – неопрimitивиста и блестящего колориста – стали настоящим откровением для зрителей («Свидание», «Рыбак», «Кузница», «За власть Советов», «1 Мая»). Трогательным лиризмом светится на его полотнах пронзительный синий цвет. По мнению критика Ванкарема Никифоровича, «в каждой работе [Пальмова] читается колоссальной силы внутренний трагизм».

Вполне понятно, что если в арсенале устроителей выставки найдется хотя бы одна работа Сони Делоне (в девичестве Сары Терк) – французской художницы родом из Одессы, – она будет включена в экспозицию. Вот и оказалась на выставке графика 1930-х годов «Орфизм» из частной коллекции – пусть небольшая, однако по ней вполне можно составить представление и о Соне Делоне, и об орфизме. Одной живописной работой 1919 года «Композиция» представлен Александр Родченко. Несколько произведений Эль Лисицкого и Владимира Татлина также украшали стены чикагского и нью-йоркского выставочных помещений.

Внимание зрителей было сосредоточено и на тех художниках, творческая жизнь которых проходила исключительно в Украине. Как отмечает в своей статье, опубликованной в прекрасно изданном каталоге к выставке, Джон Боулт, «в украинском искусстве присутствует и необарокко Олекса [Алексея] Новаковского, и конструктивизм Василя [Василия] Ермилова, «византийские» следы мы находим у Михайло [Михаила] Бойчука, тогда как творчество Мыколы [Николая] Касперовича носит отпечаток стиля модерн».

«Рельеф "а"» Василия Ермилова (работа 1920-х годов) украшает и обложку альбома-каталога, и всю экспозицию наряду с другими работами этого великолепного мастера, лидера украинских конструктивистов. Еще в 1909 году он вместе с несколькими молодыми харьковскими «левыми» художниками организовали просуществовавшую всего пару лет группу-студию «Будяк» (что в переводе означает «чертополох» или «сорняк») и активно сотрудничали с группой молодых литераторов-футуристов «Выкусъ» – название, как кажется, вполне в стиле «почечины общественному вкусу». Как и многие другие художники, в послереволюционные годы Ермилов ратовал за де-

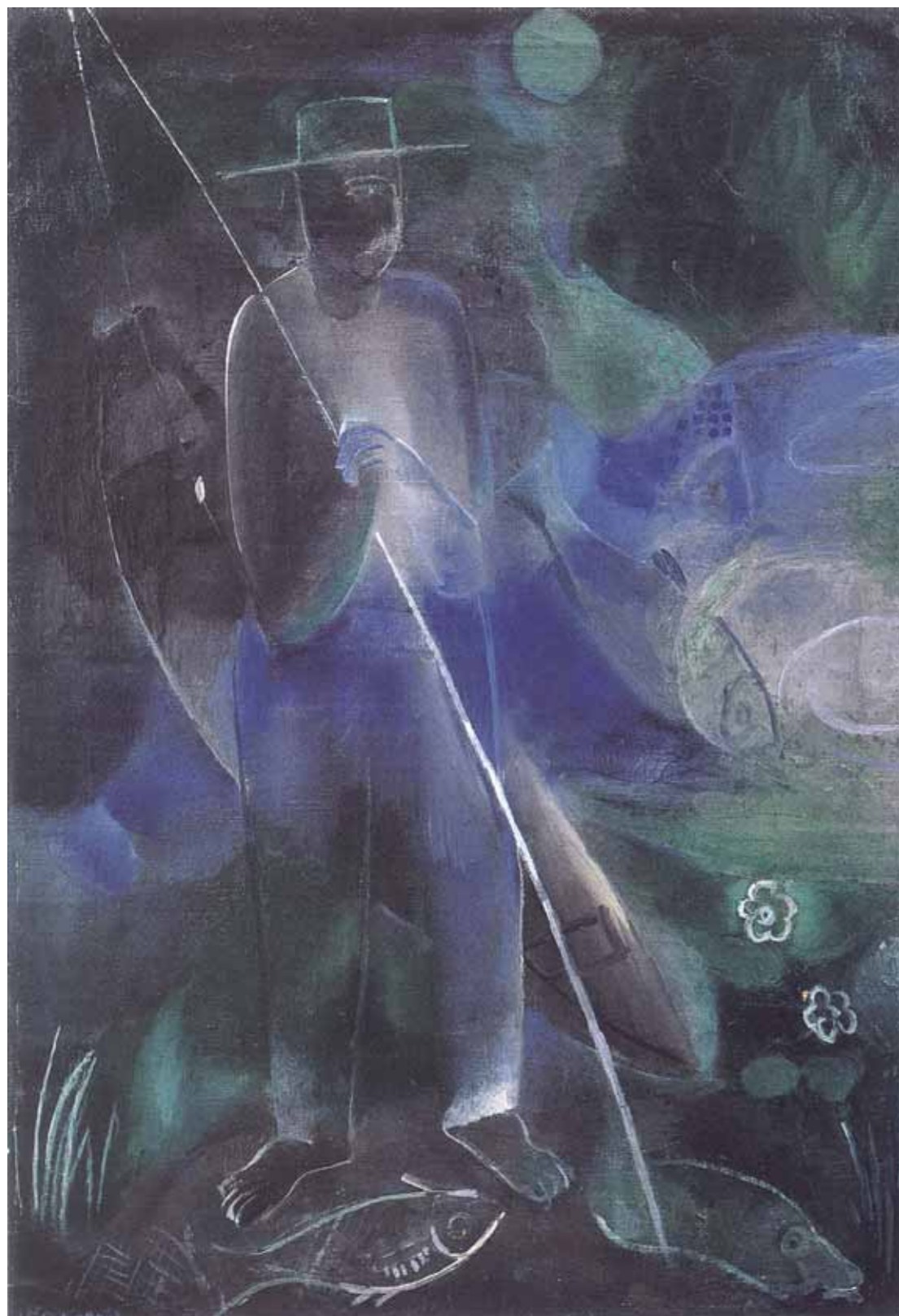

Мария СИНЯКОВА
Ева. 1920
Бумага, акварель
28x21,5
Частное собрание, Киев

Maria SINYAKOVA
Eve. 1920
Watercolour on paper
28 by 21.5 cm
Private collection, Kiev

мократизацию искусства и активно занимался тем, что до сих пор именуется наглядной агитацией и пропагандой: расписывал агитпоезда, создавал плакаты, занимался книжной графикой, оформлял праздничные шествия, клубы и театральные здания, был дизайнером папиросных коробок. Как напоминает автор посвященной Ермилову статьи в каталоге Ольга Лагутенко, этот период развития искусства в Харькове даже называют «ермиловским». После знакомства с московской коллекцией Сергея Щукина Ермилов увлекся кубизмом (двусторонняя картина «Гитара» и

«Дама с веером»), был замечательным графиком-иллюстратором, занимался художественной фотографией, преподавал в Харьковском художественном институте, не единожды пережил невежественные атаки и «оргвыводы» с исключением из творческих союзов. Как знать, если бы его инициатива создания (вместе с Б.Кратко) в 1919 году «Учебно-производственных мастерских» была поддержана и развитием, то новые таланты, может статься, рвались бы учиться в Харькове, а не в московском ВХУТЕМАСе и не в германском «Баухаузе».

and a special emotionally resonant effect to his works.

There is just the only one work by Sonya Delaunay shown – her “Orphism” from the 1930s; it is really a revelation enough in itself, for those ignorant of her almost century-long creative activity, expressing as it does the idea of herself as an artist, and of Orphism as a style.

Special attention was quite naturally given to those artists who lived and

worked in Ukraine, given that they are lesser known, but no less interesting than their internationally recognized contemporaries. Vasily Yermilov whose “Relief a” is on the cover of the catalogue, is honoured with an article alongside Mikhail Boichuk, Alexandra Exter and Kazimir Malevich – only four of the 21 artists whose work is shown. The ideas of Constructivism found in Yermilov an ideal adept. The artist was one of the founders of the “Educational-

Виктор ПАЛЬМОВ
Рыбак. 1928
Холст, масло. 67×46
Национальный
художественный музей
Украины

Viktor PALMOV
Fisherman. 1928
Oil on canvas
67 by 46 cm
National Art Museum of
Ukraine

Industrial Workshops” – something analogous to Vkhutemas and Bauhaus. Infected with revolutionary ideas to make futurism a phenomenon of life Yermilov was engaged in “street art” – as Olha Lahutenko in her paper “Vasil [Vasily – N.V.] Yermilov and Constructivism” indicates. “Yermilov burst on to the scene with his painted propaganda trains, his poster designs, political parades and agit-automobiles ... As a result, the post-revolutionary development of art in Kharkiv is often referred to as the ‘Yermilov’ period.” Yermilov’s reliefs and double reliefs, his cubist canvases (he was inspired by Parisian Post-Impressionists after viewing Shchukin’s collection in Moscow) are an absolute attraction at the exhibition.

Maria Siniakova should be mentioned in connection with Yermilov, since both were members of the “Budiak” (Weed) group in Kharkiv. She accepted Futurist ideas and as many artists of that period was characterized by her close contacts with the intellectual elite. Maria Siniakova was on friendly terms with Velimir Khlebnikov, the poet-leader of Russian Futurism. He dedicated some poems to Maria and her sisters. Siniakova absorbed Ukrainian folklore motifs, and the artist’s watercolours are very poetic, colourful and narrative (“Tree of Life”, “Lovers”, “Eve”).

A Cubo-Futurist Alexander Bogomazov is another notable figure of the Ukrainian avant-garde, who, with Alexandra Exter, united Ukrainian avant-gardists in the group “Zveno” (The Link). Bogomazov’s art is diverse, as it reflects numerous artistic trends of the beginning of the 20th century. The artist generalized his attitude to modern art and to the relation between art and reality in a theoretical treatise in which he “reduced the process of painting to its intrinsic elements – line, colour, mass, volume, rhythm,” writes John Bowlf. The artistic results of Bogomazov’s search for the new art are represented at the exhibition. His “Daughter’s Portrait” of 1928 demonstrates the idea of a spiral as a symbol of turbulent Cosmos; “Sharpening Saws” of 1927 with its rhythmical composition confirm the artist’s idea of the “musical” component of painting. Some of Bogomazov’s works are in the collection of the MOMA and Guggenheim Museums in NY thanks to Nikita Lobanov-Rostovsky, who bought them in Kiev in 1970.

Any panoramic review of Ukrainian art of the first quarter of the 20th century would inevitably include the tragic figure of the artist Mikhail Boichuk, whose legacy would have been considerable if he had not been accused of being an agent of the Vatican, arrested and executed. Many of his

Соратницей Ермилова по студии «Будяк» была Мария Синякова, которая интересовалась в то время постимпрессионизмом, а несколько позже всерьез увлеклась футуризмом. Она дружила с Велимиром Хлебниковым, иллюстрировала произведения Алексея Крученых и Николая Асеева. Поэма «Мир и остальное» 1920 года посвящена Велимиром Хлебниковым Марии и ее сестрам, как и «Синие оковы» 1922 года (в названии обыгрывается их семейная фамилия), а в поэме «Три сестры» 1920–1921 годов Мария Синякова отлична от своих сестер тем, что «зачарована богом». В свою очередь, известен сделанный ею в 1940 году литографический портрет Хлебникова (вот ее слова: «Красивее Хлебникова я никого не видела»). Выставленные работы Синяковой отмечены большой любовью к народному украинскому искусству и являются предметом законной гордости коллекционеров («Дерево жизни», «Война», «Влюбленные»).

Довольно полно представлен на выставке кубофутурист Александр Богомазов, организовавший в Киеве вместе с Александрой Экстер группу «Звено», в которой объединились украинские авангардисты. Искусство Богомазова – сплав авангардистских течений начала века. Еще в 1914 году художник обобщил свои рассуждения об отношении искусства к реальности в теоретическом трактате «Живопись и элементы», в котором он анализирует соотношения между видимой и отображаемой реальностью и поисками новых путей живописного творчества. Итоги этих поисков – в представленных на выставке произведениях мастера, среди которых – прекрасный портрет дочери (1928), воплощение одной из формул Богомазова о спирали как символе беспокойного Космоса. Написанное звенящими яркими красками запоминающееся полотно «Правка пил» (1927) – наглядная демонстрация понимания художником «музыкальной», ритмической составляющей живописи. Творчество Богомазова в достаточной мере известно американским специалистам: приехавший в 1970 году в Киев Никита Лобанов-Ростовский купил ряд его работ и вывез их, подарив впоследствии Музею Соломона Р.Гуггенхайма и Музею современного искусства в Нью-Йорке (МОМА).

Бывают случаи, когда отсутствие какого-то художника на выставке красноречивее его присутствия. Так вполне могло случиться с Михаилом Бойчуком, ведь сохранилось очень немного работ этого талантливейшего монументалиста, «архаиста-новатора». Включенная в экспозицию небольшая картина «Молочница» едва ли дает полное представление о многогранной деятельности Бойчука. Сплоченная группа бойчукистов – сторонников и последователей

Александра ЭКСТЕР
Три женские фигуры
(А. Экстер, Н. Давыдова, Е. Прибыльская и собачка А. Экстер)
1910
Холст, масло. 63×60
Национальный
художественный музей
Украины

Alexandra EXTER
Three Female Figures
(A. Exter and her Dog,
N. Davydova and
E. Prybylskaya). 1910
Oil on canvas
63 by 60 cm
National Art Museum of
Ukraine

Михаила Бойчука, профессора Киевского художественного института, – заняла к концу 1927 года ведущие позиции в Ассоциации революционного искусства Украины. В эту группу входили его жена Софья и брат Тимофей Бойчук, а также Оксана Павленко, Иван Падалка, Антонина Иванова, Мануил Шехтман, Николай Ракицкий и другие способные художники. Бойчукисты опирались на народные традиции, изучали и развивали украинское монументальное искусство (например, в 1919 году ими был выполнен заказ Наркомата военных дел на монументальные росписи в Луцких казармах). Они деятельно возрождали фресковую живопись в Украине и по-своему осмыслили византийскую иконопись. Видимо, именно в этой связи Бойчуку навесили ярлык «агент Ватикана». Судьбу арестованного в 1936 году и вскоре расстрелянного Михаила Бойчука разделили многие его последователи.

Своего рода гвоздем программы, если можно так выразиться, «козырной картой» выставки стали предста-

вители украинского сецессиона, а безусловным открытием – Всеволод Максимович, блестяще одаренный художник и, увы, наркоман-самоубийца. Жизнь этого талантливого художника, которого с полным правом именуют украинским Бердсли, оборвалась в двадцать лет – одной из причин, быть может, стал провал его персональной выставки в Москве. В экспозиции представлен написанный маслом автопортрет Максимовича: чернобелый, дразняще-манящий, дерзкий и чувственный, словом, довольно редкий мужской вариант *homme fatal*. Столь же «графично», с ювелирной отточенностью, маслом на холсте исполнено панно «Маскарад» – можно сказать, прямая отсылка к Обри Бердсли. Внутренней всепожирающей страстью горит его «Поцелуй», а огромные полотна «Банкет» и «Аргонавты» напоминают яркие искусно вытканые экзотические ковры. В своем творчестве Всеволод Максимович предстает одновременно и Бердсли, и Климтом.

followers and disciples shared his fate. Boichuk was a talented muralist and is considered to be the founder of the Ukrainian school of monumental art and monumental religious painting. His presence at the "Crossroads" with the painting "Dairy-maid" from the 1920s undoubtedly attracted the attention of the American public and art historians to this artist. A group of his followers (such gifted artists as his brother Timofii, and his wife Sofia, Pavel Ivanchenko, Oksana Pavlenko, Ivan Padalka, Antonina Ivanova, Manuil Shekhtman, Nikolai Rakitski and others) was called the "Boichukists". They "looked back to the golden age of medieval Kyivan Rus' ... The Byzantine inheritance – from fresco to iconography – became the hallmark of Boichukism, with pronounced emphasis on the

ancient techniques and fresco," states Myroslava Mudrak.

The pictorial works of the representatives of the Ukrainian Secession were an exhibition inside the exhibition itself. It became a real sensation and brought a number of real surprises. Vsevolod Maksymovych became a trump card, called the phenomenal "Ukrainian Beardsley". Not only the fine large-size filigree panneaux of the artist but his life itself fascinated the public to a great degree (Maksymovych committed suicide at the age of 20 of a drug overdose). At the "Crossroads" six of his paintings were exhibited, and among them his "Self-portrait" – a black and white canvas with a single red spot on the subject's lips (from 1914, the last year of his short, hectic and furious bohemian life) – is a kind of a variant of "homme fatal".

Давид БУРЛЮК
Время. 1910-е
Холст, масло, коллаж
80×75
Днепропетровский
художественный музей

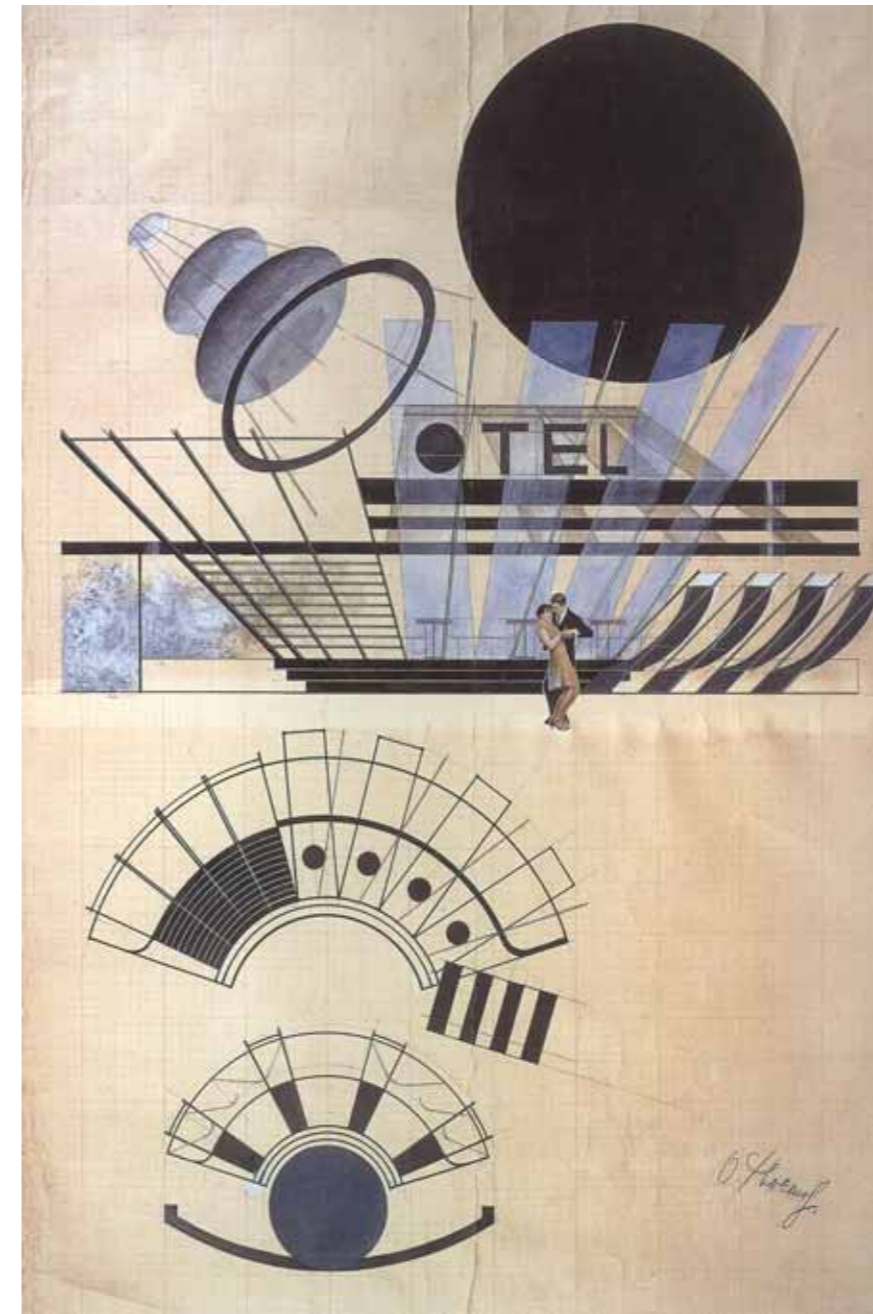
David BURLYUK
Time. 1910s
Oil on canvas, collage
80 by 75 cm
Dnepropetrovsk Art Museum

His "Kiss" resembles Klimt's passionate painting in which a couple against the vibrant red richly ornamented background takes the form of a heart.

The works of other Ukrainian representatives of the moderne or Secession (Krichevsky, Novakovsky, Zhuk) were shown next to Maksymovych. Three works of Fedor Krichevsky: "Portrait of Nataliya P. Krichevskaya" (the artist's wife), from 1926; and two parts ("Love" and "Family") of the triptych "Life", from 1927 – a success at the Venice Biennale of 1928, were like a quiet Ukrainian folk song – lyrical, harmonious and touching. The third was Oleksa (Alexei) Novakovsky with his expressive "Leda" (1924) and "Self-portrait" (1934). And last but not least Mikhail Zhuk – a painter, graphic artist, ceramist, and writer: he made a portrait gallery of Ukrainian cultural leaders such as Ivan Franko, Vladimir Sosiura, Pavlo Tychina, Natalia Uzhvii. At the exhibition he was represented with his large-size symbolist panneau of 1912–1914 and two graphic portraits.

The search for national identity and an artistic language of self-expression in Ukraine and in Russia led to the interconnection of different tendencies and trends of art: West and East, Past and Present, folklore, native and foreign – all could be found in the creative efforts of the artists at the beginning of the 20th century. Both Ukraine and Russia – due to the historical and geopolitical situation – were at a crossroads of Place and Time, and the crossroads became a crucible in which the art of the 20th century was born. According to Kevin Nance (from the Chicago Sun Times), "They dipped their brushes into virtually every paint can of the avant-garde, from Cubism and Futurism to (belatedly) Art Nouveau and (early on) Constructivism."

The exhibition "Crossroads: Modernism in Ukraine, 1910–1930" was no doubt informative and not only interesting for American viewers little familiar with the Ukrainian avant-garde and modernism, and for those Russians who happened to be in Chicago or New York and who did not miss the chance to visit it. Such exhibitions of national artistic heritage are universally informative since it is always interesting to come to know the unknown artworks of world-renowned painters. In addition, it proved a really lucky chance to discover new names of outstanding masters and to realize what was kept hidden behind the Iron Curtain, and how many iron curtains and iron bars existed inside the great Soviet power. Such an exhibition as "Crossroads" is another proof of the destruction of any such barriers on the way of cross-cultural communication on the international and intra-national level.

Александр
ХВОСТЕНКО-ХВОСТОВ
Отель на леднике.
Эскиз к опере
Э. Кшенека «Джонни
наигрывает»
1929–1930
Бумага, гуашь,
аппликация. 77.7×54
Центральный государ-
ственный архив-музей
литературы и искусства
Украины

Alexander
KHOVOSTENKO-
KHOVOSTOV
Glacier Hotel.
Scetch for "Johnny
Plays on" opera by Ernst
Křenek. 1929-30
Gouache, applique on
paper. 77.7 by 54 cm
Central State Archive-
Museum of Literature
and Art of Ukraine

Александр
АРХИПЕНКО
Женская фигура. 1914
Бронза. 12×15×67,5
Мраморный цоколь.
15,5×18,3
Национальный
художественный музей
Украины

Alexander
ARCHIPENKO
Female Figure. 1914
Bronze. 12 by 15
by 67.5 cm
Marble base.
15.5 by 18.3 cm
National Art Museum of
Ukraine

Произведения украинских последователей сецессиона оказались как бы выставкой в выставке. Наряду с Максимовичем в этом разделе представлены три работы Федора Кричевского: «Портрет Наталии Кричевской, жены художника» 1926 года и две части триптиха «Жизнь», с успехом экспонировавшегося на Венецианской биеннале 1928 года. Третьим участником стал Олекса Новаковский («Леда», 1924 и графический «Автопортрет», 1934). И наконец, Михаил Жук – не только живописец и график, но и керамист, и писатель. Он создал портретную галерею украинских деятелей культуры – Ивана Франко, Владимира Сосюры, Павло Тычины, Наталии Ужвий и многих других незаурядных людей. На выставке было представлено его символистское панно «Белое и черное» (1912–1914), напо-

минающее стилистику его учителя Станислава Выспянского, и два графических портрета.

Поиск индивидуального языка для самовыражения, как и поиск национальной идентичности, привел в Украине и России к слиянию множества влияний. Запад и Восток, прошлое и настоящее, фольклорное и урбанистическое, нативное и иностранное – все нашло отражение в творческих поисках, ибо сами художники, как и Украина, как и Россия, оказались на перекрестке Времени, в горниле которого рождалось искусство XX века. Американский искусствовед Кевин Нанс написал про украинских художников в "Chicago Sun Times": «Они окунали свои кисти в каждую банку краски – от кубизма и футуризма до модерна и конструктивизма».

Выставка «Перекрестки. Модернизм в Украине. 1910–1930» необык-

новенно познавательна как для американского зрителя, возможно сравнительно мало знакомого с творчеством украинских авангардистов и модернистов, так и для россиян, оказавшихся в Чикаго или в Нью-Йорке и посетивших ее. Она универсально познавательна: прежде всего потому, что, во-первых, всегда интересно увидеть неизвестные работы известных всему миру авторов, а во-вторых, радостно открыть для себя новые имена и лишней раз сказать себе, сколько же прекрасных художников скрывалось за «железным занавесом» и какое же количество этих занавесов-засовов повесили внутри великой державы, подавившей миру искусство авангарда. И как хорошо, что они рухнули, явив миру множество талантливых имен, в том числе и замечательных представителей украинского авангарда и модернизма.